

7. Кобрин Р. Ю. Опыт семантической классификации словарей // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практики перевода. Омск, 1985. С. 18–22.
8. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
9. Лейчик В. М. Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М., 1988. С. 40–46.
10. Гринев С. В. введение в терминологическую лексикографию: Учебное пособие. М., 1986.
11. Морковкин В. В. Типология филологических словарей // Вестник Харьковского ун-та. Вокабулум ет вокабуляриум. Харьков, 1994, Вып. I. № 19.
12. Al –Kasimi A. M. Dictionaries for translation // Lexicography: Principles and Practice. London – New York, 1983. P. 153-162.
13. Malkiel J. Typological classification of Dictionaries on the bases of distinctive features. // Problems in Lexicography ed. by F. W. Householer and Sol. Saporta. Bloomington^ Indiana University, 1975. P. 3-6.
14. Landau S. L. Dictionaries. The art and Graft of Lexicography. Cambridge, 1996.

Татьяна Вячеславовна СОТНИКОВА –
заведующая кафедрой французской филологии,
кандидат филологических наук,
доцент

Социолингвистическая роль «е» беглого в современном французском языке

УДК 804.0-4

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты анализа ограниченного корпуса данных по реализации «е» беглого, позволяющие рассматривать вариативность его появления / устранения как яркий социолингвистический маркер.

The author describes the results of the experimental phonetic analysis aimed at defining the sociolinguistic factors of syncope of the French mute-e in the conversation style.

Преимущественное изучение языка как средства общения заставляет по-новому взглянуть на целый ряд факторов, истинная интерпретация которых возможна только при учете внелингвистических условий протекания коммуникации. Одним из таких факторов оказывается социолингвистический, учет которого (наряду с функционально-стилистическим, прагматическим, психолингвистическим и др.) позволяет провести многоуровневый анализ изучаемых явлений. Исходной посылкой таких исследований является учет вариативности языка как его общего, универсального свойства, как предпосылку языковых эволюций и совершенствования способа выражения мысли. В настоящей статье излагаются наблюдения над одним из типов языковой вариативности — социально-территориальной, являющейся составной частью механизма языковой вариативности в целом.

Среди механизмов, обеспечивающих социолингвистическую дифференциацию речи, во французском языке, помимо явлений сегментного уровня (различная реа-

лизация гласных и согласных, особенности их чередований) и супрасегментных характеристик (изменение интонационных моделей и акцентной структуры высказывания), называют такие специфические явления потока речи как связывание и реализация «е» беглого. При этом многие авторы сходятся во мнении, что характер реализации связывания и «е» беглого является ярким социолингвистическим маркером [1].

Известно, что социолингвистический характер функционирования «е» беглого проявляется чаще и отчетливее всего при территориальной вариативности, нежели при собственно социальной. Так, реализация этого звука в конце слова (в различных сочетаниях), невозможная в парижском произношении, на Юге Франции стала почти нормой (от 80% до 90% всех случаев). Однако при этом и социальный статус говорящего влияет некоторым образом на характер реализации «е» беглого: чем выше образовательный уровень носителя языка, чем выше его социальное положение, чем больше он перемещается по территории метрополии и по другим странам, тем меньше в его речи тех случаев произношения «е» беглого, которые не входят в орфоэпическую норму [2].

Правила реализации «е» беглого в стандартном французском языке предписывают, в зависимости от позиции и от стиля речи, три возможности: обязательное сохранение, обязательное выпадение и факультативное произношение. Именно в последнем случае, при факультативной реализации, наблюдается наибольшая вариативность. При этом коммуникативно-прагматический подход к изучению языка требует пересмотреть или уточнить некоторые правила функционирования «е» беглого, поскольку первоначально они были сформулированы не для потока речи (не для связного текста), а для изолированного слова, без учета экстралингвистических факторов. Наблюдения показывают, что необходимо различать три различных случая устранения этого звука в речи: перед гласной (собственно элизия), в абсолютном исходе слова и при так называемых «общих возможностях». В первых двух случаях устранение гласной происходит регулярно (за исключением некоторых регионов Севера Франции), в третьем же случае появляется возможность выбора, что приводит к значительной социолингвистической вариативности. Для общих случаев орфоэпическая норма предписывает следующее правило произношения «е» беглого в середине слова в консонантном окружении: когда за этим звуком следует один или более согласный, гласный опускается после одного согласного и сохраняется после двух или более предшествующих согласных. Другими словами, для сохранения или устранения «е» беглого важно только количество предшествующих согласных: этот звук в окружении четырех согласных может выпадать, если ему предшествует лишь один согласный: *tu l(e)¹ crois /tylkrwa/*.

Однако в реальной речи это правило применяется несколько по-разному в зависимости от конкретной фонетической позиции и от тех комбинаторных условий, в которых оказывается рассматриваемый звук, поскольку во французском языке маркировано не отдельное слово, а группа слов, объединенных семантически и ритмически — так называемая ритмическая группа.

- В середине изолированного слова и в конце слова внутри ритмической группы «е» выпадает, если ему предшествует один согласный: *sam(e)di*. Если же ему предшествуют два согласных, относящиеся к одному слогу, «е» сохраняется: *autre chose*, однако если эти два согласных звука относятся к разным слогам, появляется возможность выбора: гласный может опускаться, но может и произноситься: *marche vite*.

¹ Здесь и далее непроносимые «е» заключены в скобки, проносимые подчеркнуты.

- В первом слове слова «е» после одного согласного выпадает далеко не всегда: *on redone* или *on r(e)done*. Когда ему предшествуют два согласных звука, «е» выпадает, если эти согласные относятся к одному слову или слогу: *gr(e)nier*, однако если согласные относятся к разным словам, правило теряет свою строгую неукоснительность и предоставляет возможность выбора: *sept fenêtrés* или *sept f(e)nêtrés*.
- Два предыдущие правила содержат, по крайней мере, три исключения:
- а) перед сочетаниями /rj/ и /lj/ «е» сохраняется в любой позиции внутри ритмической группы (в том числе и тогда, когда ритмическая группа состоит из одного слова): *atelier, (vous) conserveriez*;
 - б) в местоимении *le* «е» немое сохраняется, если *le* оказывается в поствербальной позиции: *dis-le*;
 - в) в девяти односложных словах (*le, je, me, te, se, de, ne, ce* и *que*) «е» беглое реализуется особым образом, в результате чего возникают так называемые устойчивые в произносительном отношении группы слов, в которых возможно единственное произношение «е» (любое другое приводит к нарушению орфоэпической нормы): *je n', ce n', de n', c'que* и *j'te*.

Наконец, особый случай при реализации «е» немого представляет последовательность этих звуков в протяженной цепочке слов: обязательно сохраняется лишь первое «е», все последующие опускаются после одного согласного и сохраняются после двух. Правило, которое при этом применяется (или, скорее, тенденция), состоит в сохранении каждого четного или нечетного «е». Из всех возможных схем наиболее предпочтительными кажутся следующие две:

- (1) CeCCeC (сохранятся нечетные «е»)¹: *je m(e) le d(e)mande*;
- (2) CSeCCe (сохранятся четные «е»): *j(e) me l(e) demande*.

Схема (1) является стандартной (именно ее рекомендуют орфоэписты), схема (2) отражает возможную вариативность и реализуется, преимущественно, в просторечии.

Чтобы проверить реальность предлагаемых правил реализации «е» немого, а также возможность их варьирования в зависимости от тех или иных социолингвистических характеристик носителей языка, нами был проведен небольшой эксперимент, в ходе которого особое внимание обращалось на случаи факультативного произношения этого гласного (см. выше). В качестве материала исследования был взят текст короткого телефонного разговора, представляющего фамильярно-разговорный стиль (поскольку истинную вариативность факультативной реализации «е» немого возможно проследить именно в этом стиле), фиксировались все случаи устранения и сохранения этого гласного в тексте, затем полученные результаты сравнивались с потенциально возможными реализациями. Информант — коренной парижанин 40 лет, квалифицированный рабочий.

c(e) qu'il faut qu(e) je fasse surtout quand mêm(e) / ça faut pas? faut pas qu(e) je fass(e) le con / c'est d'aller / d'aller chez l(e) gardien récupérer les clés // pa(r)c(e) que lui va s(e) trimballer avec le trousseau ils les ont laissé je sais pas ils ont peur d(e) lui d(e)mander ou quoi // et faut qu(e) j(e) lui d(e)mad(e) de m'indiquer la boît(e) aux lettr(es) aussi

faut qu(e) j(e) lui d / ouais non mais il faut pas qu(e) je déconn(e) avec ça / il faut qu(e) j(e) lui d(e)mand(e) aussi / de m'indiquer pour les sous-sol e / enfin tous tous les / tout(es) les indications don't j'ai besoin et / qu'eux ils ont pas / hein / et puis e / bon ben le plafond on l(e) ref(e)ra et j(e) te dis sam(e)di dimanch(e) / enfin non sam(e)di surtout

¹ Во французской традиции принято вести счет от конца слова.

et bon la la pos(e) du papier peint on r(e)mettra ça dans la s(e)maine prochain(e) ouais d'accord bon déjà le onz(e) novembr(e) on pourrait fair(e) un(e) parti(e) d(e) la pos(e) / enfin je sais pas si le onz(e) novembr(e) je pourrai // mais on pourrait un(e) parti(e) d(e) la pos(e) et puis bon ben / on f(e)ra peut-être ça dans / un soir ou deux dans la s(e)main(e) comme ça // j(e) pens(e) que pour fair(e) les deux murs et d(e)mi pa(r)c(e) que il y a des p(e)tits chouïas à fair(e) / pour fair(e) les deux murs et d(e)mi ça d(e)vrait pas d(e)mander tres longtemps

j'espèr(e) que ça dégueulass(e) pas trop l(e) sol la coll(e)

Как показал анализ, из 88 гипотетически возможных случаев произношения «е» беглого реализовано лишь 20 (22%), что еще раз подтверждает принадлежность текста к разговорно-фамильярному стилю речи (согласно норме, число реализованных «е» тем больше, чем тщательнее и изысканнее речь). Однако такой общий подсчет мало что дает для понимания социолингвистических условий проявления «е» беглого, поскольку среди 20 произнесенных и 68 устраненных гласных есть как обязательные случаи, так и факультативные.

Из 20 произнесенных «е» 13 находятся в позиции после двух согласных, следовательно, их реализация обязательна. В 11 из этих случаев стечение двух согласных вызвано, в свою очередь, предыдущим выпадением «е», таким образом, несмотря на цезуру некоторых слов и различное качество согласных, в окружении которых оказывается «е» беглое, для социолекта информанта предпочтительнее реализация «е» по схеме (2). Что касается остальных 7 случаев произнесенного «е», в которых ему предшествует один согласный, в 2 из них «е» беглое встречается в сочетании *le onze*, одном из редких случаев, где сохранение гласного обязательно. Следовательно, лишь 5 случаев произнесения «е» после одного согласного оказываются в настоящей выборке действительно факультативными.

Наконец, следует обратиться к анализу устраненных «е» немых. Таковых в выборке оказалось 27, из них 5 — в конце ритмической группы, 8 — в конце слова перед гласным внутри ритмической группы (элизия в собственном смысле слова) и 14 — в конце слова перед согласным или вне сочетаний (*semaine prochaine*). Всего в анализируемом материале встретилось 13 последовательностей слогов, содержащих «е» немое, и лишь в одном одновременно присутствуют 3 «е» (*on l(e) ref(e)ra*). При этом, если учитывать только последовательность «е», устраняются нечетные гласные, однако если учесть в качестве первого слога ритмической группы местоимение *on*, не реализованными окажутся четные «е» (что представляется более верным). Оставшиеся 12 последовательностей являются двухсложными и обнаруживают некую регулярность в реализации «е» немого.

Так, 5 из них содержат сочетание *que je*, реализуемое по-разному в зависимости от конкретных комбинаторных условий: *qu(e) je*, когда за сочетанием следует глагол (*fasse, déconne*), и *qu(e) j(e)*, когда за ним следует местоимение *lui*. Выборка слишком мала для того, чтобы можно было сказать наверняка, чем обусловлена именно такая дистрибуция: фонологическими или синтаксическими условиями функционирования «е» беглого — предварительные наблюдения позволяют предположить, скорее всего, последнее. Еще в 2 случаях представлено сочетание *parce que*, где устранение «е» беглого при одновременном выпадении /r/ происходит по той же схеме, что и в предыдущем примере: *pa(r)c(e) qu(e)*. Сочетание *je te* реализовано как *j(e) te* (по схеме (2)), а в последовательности *demande de* устраняется один из слогов *de*. Последние 3 последовательности представляют сочетания, в которых снова реализуется уже приведенная выше схема устранения/сохранения «е». Таким образом, исследуемый корпус данных не вы-

являет всех присущих «е» немому реализаций, будучи репрезентативным лишь для социолекта данного носителя языка.

Подводя итог, следует указать, что из 19 потенциально возможных факультативных «е» в выборке реализовано лишь 5 (26%). Это еще раз подтверждает первоначальную гипотезу о принадлежности текста к фамильярно-разговорному стилю произношения, и, кроме того, хорошо коррелирует с экстралингвистическими характеристиками информанта: не очень высокий социальный и образовательный ценз приводит к минимальной реализации факультативных «е» немых, что придает речи специфическую территориальную и социолингвистическую окраску, существенно снижая ее нормативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Frei H. Pour «e» muet. Travaux de linguistique et de la littérature. 1973. V. 11. № 1. P. 487–497; Gadet Fr. Le français ordinaire. Paris, 1989; Léon P. R. Phonétisme et prononciation du français. Paris, 1992.
2. Carton F. Les accents des Français. Paris, 1993.

Людмила Вилениновна ВИЛКОВА —
доцент кафедры французской филологии,
кандидат филологических наук

Функции интерпретирующих высказываний в речевом общении

УДК 804.0-5

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются высказывания, в которых интерпретируется содержание речи собеседника, и выявляются их функции в речевом общении на основе анализа их употребления в ситуации интервью.

The article examines utterances verbalizing the interpretation of the interlocutor's words and reveals their functions in verbal interaction upon analysis of interviews.

Понимание речи как извлечение из нее некоторой совокупности сведений входит в число основных категорий теорий речевого общения и характеризуется как многофакторный и активный процесс [1: 26–27]. Действительно, при вербализации коммуникативного замысла говорящему не всегда удается облечь свою мысль в безупречную форму. Кроме того, полнота в естественной речи — скорее исключение, чем правило, поэтому собеседнику для понимания сказанного часто требуется восстановить ту информацию, которая не была представлена в речи эксплицитно, но существенна для ее адекватного понимания. Причем понять речь — это не только восстановить подразумеваемую информацию, но и определить ее функцию в той речевой ситуации, в которой она была произведена [5: 116–117]. Не случайно центральная роль в интегральном процессе понимания речи отводится выводу правдоподобных заключений, т. е. интерпретации, для чего необходима мобилизация как семантических, так и прагматических знаний [2; 4].